

УДК 342.56:316.422(47)

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-120-130

КОДИНЦЕВ Александр Яковлевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: balsak1@yandex.ru, AuthorID: 679446

KODINTSEV A.Ya., Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: balsak1@yandex.ru, AuthorID: 679446

АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ КОНИ И МУРАВЬЕВСКАЯ КОМИССИЯ

ANATOLY FEDOROVICH KONI AND THE MURAVYOV'S COMMISSION

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении роли Анатолия Фёдоровича Кони в защите интересов судебного сословия Российской империи в условиях надвигающейся судебной контрреформы. Актуальность работы заключается в том, что многие идеи сенатора и его сторонников имеют значение и в наше время. Цель исследования заключается в установлении основных аспектов противостояния либеральных юристов государственной консервативной политике, направленной на ликвидацию достижений судебной реформы 1864 года. При проведении исследования автор использовал проблемно-хронологический метод. Изучается процесс обсуждения проекта переустройства органов юстиции. Предполагаемые изменения затрагивали статус судебных работников, структуру органов юстиции, положение суда присяжных заседателей и пр. Можно сделать вывод, что сформированный план переустройства органов суда не решил заявленных целей и усложнил судоустройство. В итоге, затянутый проект был окончательно отвергнут в годы первой русской революции.

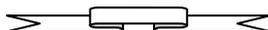
Ключевые слова: А.Ф. Кони, судебная контрреформа, муравьевская комиссия, судебная полиция, суд присяжных заседателей, мировая юстиция, обер-прокурор.

Abstract. The purpose of the article is to identify the role of Anatoly Fedorovich Koni in protecting the interests of the judicial estate of the Russian Empire in the context of the impending judicial counter-reform.

The relevance of the research lies in the fact that many of the ideas of the senator and his supporters have significance in our time as well. The author establishes the main aspects of liberal lawyers' opposition to the state conservative policy, aimed at eliminating the achievements of the judicial reform of 1864. The author used the problem-chronological method in conducting the study. The process of discussing the project of the judicial bodies restructuring is studied. The author emphasizes that the proposed changes affected the status of judicial officers, the structure of judicial bodies, the position of the jury court, etc.

As a result, the author comes to the conclusion that the plan of the judicial bodies restructuring did not solve the declared purposes and complicated the judicial system. Finally the protracted project was rejected during the first Russian Revolution.

Keywords: A.F. Koni, judicial counter-reform, Muravyov's commission, judicial police, jury trial, magistrate justice, chief prosecutor.

ВВЕДЕНИЕ

Труды Анатолия Фёдоровича Кони в области судоустройства не стали объектом полного и тщательного изучения. За редким исключением. В 2016 году исследователи Т. Е. Грязнова и А. Н. Язов опубликовали статью об идее судебной власти в трудах российских юристов поздней империи. Они отмечают, что Кони провёл чёткое разграничение властей исполнительной и судебной. Деятельность судебных органов направлена на разрешение конкретного спора о праве, деятельность администрации направлена на исполнение законов. Также разграничение происходит по силе принимаемых решений. Различаются мотивы властей. Основы правосудия вечны, основы деятельности администрации временны. Цель суда – установить справедливость, цель администрации – обеспечение общественного спокойствия и стабильности. Кроме того, администрация «смотрит вперед», а суд «смотрит назад», отыскивает истину. Администратор исходит из принципа целесообразности, судья – из принципа законности [1, С. 32–24].

В своей публикации Б. Н. Мальков и А. Ф. Щеглов в 2015 году обсудили нравственные цели судебной реформы 1864 года по трудам А. Ф. Кони [9, С. 21–25]. А. В. Илюхин проанализировал оценку работы суда присяжных на основе публикаций Кони [3, С. 40–46]. Подробно деятельность Кони по защите суда присяжных была проанализирована в работа Ю. Иванова. В ней автор описывает характеристику суда присяжных, данную Кони, как гимн суда общественной совести [2, С. 31–34].

Отдельный блок исследований составляют работы ученых, посвященные судебной контрреформе 1880–1890-х годов. В их числе капитальный труд Н. В. Немытиной [10], публикации А. А. Сорокина [12, С. 208–217; 13, С. 385–395], Ю. В. Щедриной [14, С. 115–131], Ю. М. Понихина и И. А. Игнатенко [11, С. 206–212] и пр. Современный и наиболее подробный очерк работ по этой контрреформе содержится в 8-м разделе моно-

графии «История суда и правосудия в России» (том 5), выполненной К. П. Краковским [8, С. 12–31]. В нашей работе большой перечень работ по контрреформе, представленный Краковским, мы специально не разбираем, затрагивая только позицию Кони во время работы муравьевской комиссии. В том числе Краковский подробно описывал борьбу Кони за сохранение основ судебных уставов 1864 года [8, С. 324–364].

О работе Кони в муравьевской комиссии упоминается в работах Елизаветы Баллантайн (Нью-Йорк), Карлы Кордин (Базель) и Марка Помара (Питтсбург) [15; 16; 17; 18].

МЕТОДОЛОГИЯ

При проведении исследования мы использовали проблемно-хронологический метод. С помощью указанного метода мы разделили нашу тему согласно стадиям работы муравьевской комиссии в хронологической последовательности. Используя метод, мы показываем последовательное развитие работы комиссии от реформы к контрреформе, устанавливая связи между стадиями работы комиссии. Страхи государственной власти и ее недовольство «свободой» судебной системы выросли в проект судебной деформации, порождавший (потенциально) неэффективную систему правосудия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В середине 1893 года министр юстиции Н. А. Манасеин инициировал реформу судебной системы империи. План Манасеина был сформулирован неудачно и вызвал резкое возражение у работников юстиции и руководства государства. Министр предполагал изменение компетенции кассационных департаментов Сената, которые привели бы к уменьшению его полномочий (генерал-прокурор надзирал за старыми департаментами и мог опротестовать их решения, а принести протест на решения новых кассационных департаментов не мог). Кроме того, он предлагал создать «Верховный совет-

ный суд».

Было создано особое совещание для обсуждения предложения министра юстиции «о некоторых изменениях в судебных уставах» (председатель совещания Н. И. Стояновский). Обсудив предложения министра, члены совещания отметили, что они не продуманы и не подкреплены аналитическими данными о состоянии судебной системы. Что такое «Верховный совестный суд» было совершенно непонятно. Заинтересованные лица – председатели кассационных департаментов (в том числе Кони) – в состав совещания не были включены (император пожелал, чтобы также пригласили обер-прокуроров «для объяснений»).

Проект Манасеина был разослан по многим учреждениям, и началось масштабное обсуждение будущей реформы. Составлялись аналитические справки и исторические обзоры. Состоялись общие собрания сенаторов обоих департаментов, на которых было высказано много критических и отрицательных замечаний о проекте Манасеина. Подробный критический разбор проекта Манасеина провел государственный секретарь Н. В. Муравьев (особенно удачно он проанализировал вредные последствия от отмены кассационных функций департаментов). Записка Муравьева настолько понравилась царю, что стала одной из причин назначения его новым министром юстиции взамен смещенного Манасеина. Председатель совещания также высказался против. Несмотря на смещение Манасеина, волна, поднятая им, не пошла на спад. Новый министр пришел к управлению при условии провести масштабные реформы судебных уставов 1864 года.

7 апреля 1894 года была учреждена особая комиссия для пересмотра законоположений по судебной части (муравьевская комиссия). В составе комиссии был образован отдел судоустройства. Кони, входивший в другой отдел, тем не менее принимал участие в заседаниях отдела. Отдел провел 53 заседания за 4 года (РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1226. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–93; Ф. 1405. Оп. 542.

Д. 124. Л. 56–60, 84–140). Всего же комиссия провела 503 заседания.

Для сбора мнений в столицу были приглашены работники юстиции империи, которые несколько недель совещались. Одним из вопросов, поднятых Манасеиным и Муравьевым, был статус присяжных заседателей (далее – ПЗ) в соотношении с сословными представителями (далее – СП). 29–31 декабря 1894 года в столице состоялось большое совещание старших председателей и прокуроров судебных палат. На совещании господствовал Кони.

В первой речи он ориентировал работников юстиции на правильный и взвешенный подход к суду ПЗ, после чего поставил основные вопросы на обсуждение. Прежде всего, обер-прокурор отметил, что в 1887 году был повышен имущественный ценз ПЗ, что позволило исключить из него маргинальные группы населения. Кони отмечал, что с 1879 по 1892 год было осуждено только 29 заседателей за коррупционные преступления. Попытки выплачивать пособия присяжным, к сожалению, были пресечены. Кроме проблемы выплат Кони акцентировал внимание присутствовавших на хаосе с составлением списков ПЗ, на запрете на объявление ПЗ меры наказания, угрожающего подсудимому, на праве судьи отменять оправдательный приговор ПЗ, на праве подсудимого отказаться от суда ПЗ, на объединении судьи и ПЗ при вынесении приговора, на организации сословных представителей в судебных палатах, а также на серии других процессуальных проблем, возникающих в работе суда ПЗ. Вообще, Кони продолжал скептически относиться к институту СП. Сравнивая результативность СП и ПЗ, он указывал, что между ними нет особой разницы.

Через три дня, подводя итог заседанию, Кони дал общее заключение по поставленным им вопросам. Большинство членов совещания подтвердили важную роль суда ПЗ в судоустройстве империи. Отдельные юристы указывали, что по ряду дел правильный приговор мог быть вынесен только с участи-

ем присяжных. Репрессивность суда ПЗ была оценена выше, чем репрессивность коронных судей. Отдельные юристы не могли вообще назвать примеры неосновательных приговоров. ПЗ приносили в суд нравственное, христианское чувство. Чаще всего оправдания встречались по тем преступлениям, которые не встречали сочувствия у присяжных (против паспортной системы и пр.).

Два члена совещания указали, что ПЗ неумело обращаются со следственным материалом, не выдерживают репрессии по однородным делам, в разных местностях по-разному подходят к определению наказания по однородным делам, суд ПЗ требует затрат, много времени, усилий и пр.

Кони заручился поддержкой большинства членов совещания (18), высшие сотрудники юстиции почти все поголовно выступали за сохранение суда ПЗ. Члены совещания постановили, что при изменении законодательства необходимо допустить чины судебного ведомства к составлению списков ПЗ, повысить ценз имущества для чиновников (исключить мелких служащих), повысить штрафы за неявку на суд ПЗ и вообще повысить ответственность за незаконные попытки избежать заседания в суде ПЗ. Все поддержали идею о введении оплаты для ПЗ. Члены совещания высказались как минимум за сохранение подсудности суда ПЗ. Почти все члены совещания призвали прекратить «играть с ПЗ в прятки» и, наконец, рассказывать им о мере наказания, грозящей подсудимому. Вообще члены совещания настаивали на существенном расширении процессуальных прав ПЗ, которые парадоксальным образом, принимая принципиальное решение, были крайне ограничены в доступе к материалам следствия. Большой спор вызвала германская модель присяжных, которая предусматривала составление списка ПЗ сразу же для нескольких процессов. Большинство членов совещания высказалось против предоставления права отмены оправдательного приговора судьей. Кони приложил много усилий, доказывая вредные последствия получения

судьей такого права. Идея суда СП была оценена членами совещания отрицательно. Сословные представители вели себя пассивно, уклонялись от обязанностей, пытались переложить принятие решения на председателя суда и пр. При этом суд СП оказался дорогим. Что же делать? Сложилось много мнений. Предлагали ввести «специальных ПЗ», передать дела в коронные суды, передать дела суду обычного ПЗ, ввести шеффенский суд, объединить судью и ПЗ в одну коллегия и т. д. и т. п. [8; 4, С.336–337]. 28 и 29 декабря члены совещания обсуждали вопрос о состоянии судебного следствия, которое было признано неудовлетворительным [8, С. 337–338].

После новогоднего перерыва работа совещания возобновилась. 4 января 1895 года Кони сделал доклад о предельном возрасте судьи. Обер-прокурор напомнил, что уставы 1864 года ограничили предельный срок судьи 75 годами (что интересно, по Учреждению судебных установлений (далее – УСУ) формально увольнение было возможно только после подачи судьей прошения, в противном случае существовала длительная процедура увольнения). При этом 17 сенаторов выступали против. По мнению Кони, наилучшим выводом было бы выведение судьи за штат по достижении 75-летнего возраста с сохранением оклада. В конце концов, министерство юстиции выдвинуло в 1888 году предложение снизить возраст выхода в отставку до 55–65 лет. Возможно было продление срока пребывания на службе, но только на 3 года.

Проект, определявший возраст судьи, после долгих путешествий только к середине 1890-х годов вступил в стадию обсуждения работниками юстиции. Выступая перед членами совещания, Кони задавался вопросом: чем обусловлена такая разница в возрасте? Почему предлагается такой ранний выход на пенсию? Кони приводил примеры престарелых людей, находящихся в хорошей интеллектуальной форме. Снижение трудовой активности или выход на пенсию, по мнению Кони, может только касаться лиц «непредви-

денно морально ослабевших». Тут же автор намекал, что сенаторов, «морально ослабевших», переводят из кассационных (новых) департаментов в старые судебные департаменты, превращающиеся фактически в «свалку маразматиков». Бесплезно сравнивать работу судьи с работой других профессий. У судьи нет физически тяжелой работы, необходимости обострять свои чувства. Основная тяжесть работы судьи заключается в чувстве совести. Нельзя сравнивать работу судьи и профессора. В последнем случае необходима смена преподавателя, так как это дает новую, свежую струю, меняется методика преподавания, привносятся новые знания. «Наука прогрессивна, судебная деятельность консервативна», – говорит Кони. Взор ученого устремлен вперед, взор судьи – назад. Осторожность и осмотрительность – главные необходимые свойства судьи. Деятельность судьи ближе деятельности священника. Оба служат общественной нравственности. Старость тут не противопоказана, она украшает должность.

Увольнение судьи ставит его в тяжелое материальное положение. Пенсионная система империи была негибкой. Член палаты или окружного суда, получив выслугу, в 35 лет рассчитывал на 572 рубля, в 25 лет – на 256 рублей. Дополнительный доход от эмеритальной кассы был слишком мал. Далее Кони высчитывал идеальный брачный возраст работника юстиции. Это оказывался 30–45-летний возраст. Следовательно, в момент выхода на пенсию (если будет снижен возраст) он имел сына/дочь 20-летнего возраста, которые нуждались в серьезной поддержке. Вышедший на пенсию судья почти не имел шанса получить новую работу.

Против введения предельного возраста говорило и то, что планируемого (по новому закону) времени выхода на пенсию достигал небольшой процент работников юстиции. Далее Кони рассказывал о преимуществах стариков в судебных коллегиях. Они вносили нравственное чувство, спокойствие, разумное упрямство. Судебная деятельность изматывала людей. Предельный возраст мо-

жет убить сознание служения правосудию и создать взамен заурядную службу – личный наём на срок [5, С. 885–902].

В 1895 году Анатолий Фёдорович проводил большую ревизию кавказских судебных учреждений. 30 апреля 1895 года он принял участие в заседании Кавказского юридического общества. Доклад делал А. А. Красовский, который проанализировал проект нового уголовного уложения. Главный вопрос, который рассматривал докладчик, заключался в определении власти суда в связи с новым проектом. Красовский подметил важную особенность проекта – резкое сокращение казуальных составов и, наоборот, увеличение абстрактных составов преступлений. Он справедливо отмечал, что дискреционная власть суда существенно расширилась, и это, по его мнению, вело к вредным последствиям. Аргументы, выдвигаемые сторонниками судебной системы, он отвергал. В числе прочего Красовский утверждал, что очень трудно определить соразмерность между преступлением и наказанием. В итоге якобы это приведет к произволу судьи. Исходя из личных представлений, докладчик утверждал, что судья не пойдет за законодателем и обществом, а пойдет за своим мнением. Далее он приводил много примеров недоверия законодателя к судье. Судейская совесть – это миф. Ссылка на западный опыт неверна. Там судебное сословие является устоявшимся, уважаемым институтом. В России судебной традиции нет, общество суд не контролирует.

Кони, придерживающийся противоположной точки зрения, не мог пройти мимо такого доклада и выступил со встречным возражением. Анатолий Фёдорович указывал на то, что законодатель действовал как художник, а судья – как фотограф. Бесплезно применять универсальное наказание ко всем однородным преступлениям. Ошибочно было мнение о необходимости общественного контроля, напротив, суд должен быть свободен от него. Судейская совесть – не пустые слова, а возвышенное состояние. По новому проекту законодатель доверяет судье, и это

правильно [6, С. 555–561].

Вернувшись с Кавказа, Кони энергично приступил к работе в муравьевской комиссии. С самого начала в области судоустройства перед комиссией были поставлены специальные задачи. Предполагалось обобщить все изменения в судебных уставах с 1866 по 1893 год. Согласовать эти изменения и судебную практику и выработать новые акты. Предполагалось сохранить устность, гласность, состязательность, свободу убеждения судьи и прочее. В то же время планировалось рассмотреть независимость суда «в пределах его правительственного положения» и «упорядочить правила о несменяемости судей».

Ставились задачи упростить судебную организацию с целью экономии средств, пересмотреть правила о несменяемости судей, изменить организацию всех органов юстиции и прочее. Комиссия была разделена на четыре отдела (см. выше). Кони попал в 3-й отдел (уголовное судопроизводство) под председательством старого друга – Н. С. Таганцева. В 3-м отделе (судоустройство) обер-прокурор участвовал в общем голосовании по положениям новых проектов уставов, и при этом он выдвигал много своих возражений. Очень часто он оказывался один против всей комиссии. В отличие от Таганцева, Фойницкого, Случевского, Арсеньева, Владимирова и других друзей, он не пошел на сделку с совестью и последовательно выступал за сохранение основ 1864 года почти без изменений (ГАРФ. (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 564. Оп. 1. Д. 679. Л. 1–7). В этом его поддерживали многие юристы. Поступали письма от И. Щегловитова, В. А. Желиховского и других юристов (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3821. Л. 5–6).

В 1896–1897 гг. комиссия рассматривала новый проект УСУ. При этом 1-й и 2-й отделы комиссии заседали совместно. Кони участвовал в этих заседаниях. Некоторое время существовал 5-й отдел, в который также входил Кони. Именно там у него сформировалась оппозиционная позиция к

слову судебной модели империи (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 668, Л. 10).

Жаркие споры на комиссии протекали по вопросу о создании нового апелляционного суда. Кони присоединился к большинству. Дискутировали по вопросу о территориальном охвате будущих окружных судов с целью приближения их к народу. Разумным компромиссом виделось создание уездных отделений окружных судов империи. Далее члены комиссии предполагали превращение этих отделений в замену съездов мировых судей или земских начальников (с сохранением в их составе будущих участковых судей), которые в новых проектах подлежали ликвидации. Таким образом, участники совещания «тихой сапой» протаскивали сохранение этих съездов в новом виде.

Комиссия предполагала ограничения при вводе отделений в отдельных регионах России, введение городских отделений в крупнейших городах, допускалось введение отделений в двух и более уездах при наличии большого количества дел. Большинство членов комиссии поддержало создание участковых судей, рассматривающих дела единолично и фактически заменяющих мировых судей. Нам неизвестна позиция Кони по этому вопросу. Он либо поддержал большинство, либо воздержался, но к сторонникам мировой юстиции формально не примкнул [14, С. 117–118] (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 668. Л. 29–45).

Решающие изменения в УСУ обсуждались на заседаниях комиссии по пересмотру законоположений по судебной части в феврале 1898 года, в том числе предлагалось в связи с ликвидацией мировой юстиции и предстоящей частичной отменой земских начальников повсеместно ввести участковых судей и подчинить их окружным судам (Кони выступал против), создать следственных судей и часть следственных функций возложить на участковых судей (Кони был против). Проект предполагал развитие института судебных кандидатов. Предполагалось разделить их на старших и младших, оставить только в окружных судах, ввести оклады для

кандидатов, снизить срок стажировки. Изменялся статус судебных приставов. Они оставались только при окружных судах, их полномочия сокращались (часть передавалась судебным рассыльным), отменялись органы самоуправления приставов, вводились требования по знаниям и образованию. Предполагалось составлять списки кандидатов, из которых должны были производиться назначения на открывшиеся вакансии в органах юстиции. Проект предусматривал создание при консультации министерства юстиции особого присутствия, которое бы имело право перемещать и смещать судей. Попытки Кони и его сторонников создать такое присутствие при Сенате, а не при министерстве провалились. Предполагалось существенно повысить оклады судебных чиновников. Коммерческие суды планировали ликвидировать. Предполагалось передавать исполнение части судебных решений волостным и сельским органам, ввести поверенных по судебным делам (РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 287. Л. 3–20).

Все эти нововведения не устраивали сенатора Кони, вызывали у него сильное отторжение. Исходя из приоритета сохранения «священных» уставов, обер-прокурор Уголовно-кассационного департамента (УКД) выработал несколько предложений в составе комиссий, которые составили его особое мнение, отличное от мнения большинства членов комиссии. В этих особых мнениях он выступал проводником не только идеи сохранения уставов, но также энергично защищал судебное сословие от предполагаемых ограничений и сокращений его прав.

Например, в особом мнении, высказанном Кони по статьям 296–302 проекта УСУ о порядке увольнения судей, он предлагал сохранить старую формулу УСУ о несменяемости судей (статьи 72 и 243 УСУ). Новые статьи предполагали временное устранение или увольнение от должности (отдел «Об определении и увольнении от должностей») участковых, добавочных и почетных судей. Проект предполагал определить статус вводимых участковых судей ниже, чем мировых.

При этом предполагалась широкая подсудность таких судей.

Кони выступал против передачи дисциплинарных полномочий консультации министерства юстиции, понимая, что это умаляет статус судей, пусть и участковых. Не было никакой необходимости (по его мнению) в такой передаче полномочий. Везде консультацию следовало заменить на Соединенное присутствие Сената. Кроме того, не надо было определение Сената по такому делу переносить на утверждение императора. Соответственно 302-я статья проекта должна была быть отменена. Эту позицию Кони поддержало только три члена комиссии, 23 проголосовали за противоположное мнение (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 1–3).

Следующая поправка, внесенная Кони, относилась к существенному изменению предварительного следствия. Предварительное следствие из правила превращалось в исключение, назначаемое только в случае совершения тяжких преступлений. Большинство составов преступлений, по проекту, подлежали рассмотрению в полицейских органах при почти полном прокурорском управлении.

Кони с идеей «полицизации» следствия категорически не соглашался. Он указывал на то, что неудачный опыт подчинения следствия полиции был отвергнут еще до судебной реформы 1864 года. По утверждению Кони, за все пореформенные годы не было случаев привлечения следователей за превышение власти, в то время как дела по полицейскому произволу продолжали поступать в большом количестве. Лишь правовое развитие с высшим образованием может удержать от совершения преступления по службе (тут Кони выступал как идеалист).

По его словам, приводить примеры успешных дознаний полиции было некорректно, так как они действовали под контролем судебных следователей. Суд же не будет иметь сил, чтобы проверить правильность действий полиции. Новое законодательство привело бы к существенному увеличению товарищей прокуроров. Прокурор-

ский надзор за полицейским следствием будет извращением судебной власти. Кроме того, проект не предполагал сбалансированной прокурорской власти. Так, прокуроры могут сами производить дознание и принимать меры пресечения. В то же время многие прокурорские чины не получали права определять случаи, когда надо было производить дознание. Лишь в крайних случаях надо было предоставлять полиции следственные полномочия.

Далее Кони вступал в теоретическую область, рассуждая о сущности органов юстиции. Он подчёркивал, что лучше всего, если каждый орган юстиции будет однородным, самостоятельным и автономным. Это повысит качество его работы. Полиция стоит вообще вне юстиции, у нее другие задачи. Нет никакой надобности сокращать судебную власть дальше. Наиболее важные следственные дела будут переданы участковым судьям. Следствие раздробится, перемешается и замедлится. Надо всё оставить как есть. За эту поправку проголосовало только два человека, против – 25 (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 4–8).

Следующее особое мнение, высказанное Кони, состояло в устройстве следственной части, передаваемой участковым судьям. Обер-прокурор Сената сразу же выступил против возложения на будущих участковых судей следственных функций. В противном случае возникло бы неизбежное замедление, небрежность, смешение и перекрещивание функций судьи, следователя, нотариуса и пристава. Появление двух видов участковых судей (следственного и судебного) приведет население в недоумение. Не проще ли назвать такого работника следственным судьей?

С некоторым раздражением Кони вновь говорил о ненужной (даже безумной) идее передачи следственных функций в полицию. Но если уж сего избежать якобы нельзя, то он придумал такой институт, как судебная полиция, то есть орган, подчиненный исключительно судебному ведомству. Но планы Кони были нереалистичны, и следственные

функции планировали передать в полицию при условии прохождения ее представителями испытания. Далее Кони в ироничном тоне говорил о том, как низшие чины полиции смогут осуществлять предварительное следствие. Полиция совершает множество правонарушений против частных лиц, находится вне ответственности за свои деяния, покрывается ее начальством. Кони вновь приходил к выводу, что надо следствие оставить как единый комплекс и, буде сильно хочется, назвать следователей следственными судьями. Кони лишь один проголосовал за свое предложение, 25 членов комиссии выступили против (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 9–11).

Идея судебной полиции завладела Кони. Под этим видом он пытался «тихой сапой» протащить сохранение судебного следствия. Возвращение следствия в полицию отбросило бы ее в дореформенное время (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 17–18).

Еще одним объектом возражения Кони стал вопрос об организации окружных судов (12-я статья проекта УСУ). Анатолий Фёдорович указывал, что система органов юстиции по новому проекту становилась еще более запутанной. При частичном сохранении судебных полномочий земских начальников оставалась острая необходимость не изменять существующую структуру окружных судов. Кони ставило в тупик предложение о создании в уезде апелляционного суда (выделенного из окружного суда). Он задавался вопросом: сколько же дел будет рассматривать этот суд при одновременном наличии уездного съезда земских начальников? Также бессмысленно было бы объединение этого будущего апелляционного суда со съездом. Создание также уездных и губернских отделений окружного суда, как намекал Кони, выглядело ещё большим безумием. То есть предполагалось функциональную подсудность заменить на территориальную. Ни о какой стройности судебной системы или приближении её к народу говорить не приходилось. Итог его рассуждений был таков: ничего менять не надо. Кони лишь один про-

голосовал за свое предложение, 25 членов комиссии выступили против [14, С. 117–118] (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 12–13).

При обсуждении судьбы мировой юстиции Кони активно выступал за ее сохранение. Так, 15 марта 1898 года он высказал свое особое мнение о сохранении мировой юстиции в крупных городах. Также он настаивал на сохранении ее выборности (вводимая в то время мировая юстиция в Сибири была назначаемой). Кони просил оставить месячный срок для вступления в должность назначенного судьей. Необходимо было сохранить уважение к судебной должности, нужна предварительная подготовка к исполнению полномочий (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 16).

Конфликты по поводу изменения судоустройства и уголовного процесса привели Кони сначала к потере поста обер-прокурора в 1896 году, а затем места сенатора в Уголовно-кассационном департаменте Сената в 1900 году. Враждебные отношения Кони и министра юстиции Муравьева сохранялись вплоть до отставки последнего. В письмах (К. К. Арсеньеву, П. Н. Обнинскому и др.) Кони негативно отзывался о работе комиссии, переживал за судьбу судебных учреждений. Так, в письме к П. Н. Обнинскому в 1899 году он упоминал, что участвовал более чем в 300 заседаниях муравьевской «подтасованной» комиссии, где часто оставался один. Бесцельную ломку хороших учреждений он сравнивал с «изнасилованием первой любви» без возможности ей помочь [7, С. 124–126, 133–134, 150–151; 8, С. 362; 14, С. 121].

5 июня 1899 года комиссия была торжественно закрыта (Кони не присутствовал на заседании и единственный не получил награды, его критические выступления в итоговый отчет комиссии не попали). После рассмотрения в заинтересованных ведомствах (МВД и Минфин проект не поддержали) материалы муравьевской комиссии по реформе судоустройства (42 тома, 4,5 тыс. статей!) в 1901 году поступили в Госссовет. Первоначально проект рассматривался в

Департаменте гражданских и духовных дел, законов, государственной экономики и промышленности, науки и торговли. В департаменте после долгого обсуждения пришли к выводу, что проект реформы судебных учреждений не упрощал их, а запутывал. Одновременно проект обсуждался в Соединенном присутствии департаментов Сената в 1902–1903 гг. и в юридическом сообществе. Наконец, в 1904 году было создано особое совещание во главе с И. Л. Горемыкиным (Галкин-Враский, Сабуров, Икскуль-фон-Гильдебрандт, Голубев, Шидловский, Гончаров, Череванский, Калачов, Бутовский, Платонов, Муравьев, Манухин). После вялого и долгого обсуждения 23 сентября 1905 года проект вернулся в министерство юстиции для перенаправления проекта в Государственную Думу. Фактически же проект был похоронен. Так контрреформаторские планы Муравьева потерпели неудачу [14, С. 128–130] (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 944. Л. 107; Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–35).

ВЫВОДЫ

Бюрократическая система России породила идею перестройки судебных учреждений для адаптации ее к действующей авторитарной системе. Муравьев пытался сохранить основы судебных уставов с их одновременной модернизацией, что ему не удалось. Созданный план перестройки (адаптации) судебной системы не решил заявленных задач, в том числе не упростил судоустройство, а усложнил бы его. Это заметили другие государственные органы, в том числе Госссовет, которые не дали ходу реформаторским проектам Муравьева. Основной оппонент министра, а по временам единственный, Кони потерпел кадровое поражение и был полностью устранен из любимого Уголовно-кассационного департамента Сената, переведен в Общее собрание Сената. В то же время он приобрел чрезвычайную популярность в образованных группах российских городов. Его стали рассматривать в качестве политика.

Библиография / References:

- 1.Грязнова Т.Е., Язов А.Н. Судебная власть в интерпретации российских юристов конца XIX – XX в. // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 6. – С. 32–34.
 - 2.Иванов Ю. «Я люблю суд присяжных и дорожу им...» // Российская Юстиция. – 1994. – № 1. – С. 31–34.
 - 3.Илюхин А.В. А. Ф. Кони о суде присяжных // Российский судья. – 2001. – № 8. – С. 40–46.
 - 4.Кони А.Ф. О суде присяжных и о суде с сословными представителями. – СПб., 1895.
 - 5.Кони А.Ф. Предельный возраст для судей // Судебные речи. – СПб., 1905. – С. 885–902.
 - 6.Кони А.Ф. Власть суда в применении наказания // За последние годы. – СПб., 1896. – С. 555–561.
 - 7.Кони А.Ф. Собрание сочинение. В восьми томах. Т. 8. – М., 1968.
 - 8.Краковский К.П., Соломко З.В. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 5: Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года). – М.: Норма, 2020.
 - 9.Мальков Б.Н., Щеглов А.Ф. Нравственные уроки судебной реформы // Вестник Российской правовой академии. – 2015. – № 2. – С. 21–25.
 - 10.Немытина М.В. Суд в России: 2-я половина XIX – начало XX века. – Саратов, 1999.
 - 11.Понихин Ю.М., Игнатенкова И.А. Основные положения дискуссии, развернувшейся при попытке пересмотра судебных уставов в области судостроительства комиссией Н. В. Муравьева // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – №5 (51). – С. 206–212.
 - 12.Сорокин А.А. Деятельность комиссии Н. В. Муравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2014. – № 4 (17). – С. 208–217.
 - 13.Сорокин А.А. Итоги работы комиссии Н. В. Муравьева по реформированию местного суда в оценках общественности // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Нижний Новгород, 2017. – С. 385–395.
 - 14.Щедрина Ю.В. Реформирование механизма формирования судейского корпуса в России в конце в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н. В. Муравьева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-2. – С.115–131.
 - 15.Cordin, Carla Anatolij F. Koni (1844-1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion / Cordin, Carla. – Auflage. Böhlau Köln, 2019. – 447 P.
 - 16.Elizabeth Ballantine Koni and the russian judiciary, 1864-1917. / Ballantine Elizabeth: Ph. D. - New Haven. – Yale University, 1986.
 - 17.Mark G. Pomar. Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralizer. / G. Pomar Mark. – Pittsburgh 1996.
 - 18.Michael Ginsburg. Koni and His Contemporaries / Michael Ginsburg // Indiana Slavic Studies. - I, 1956. - P.54-61.
- 1.Gryaznova T.E., Yazov A.N. Sudebnaya vlast' v interpretatsii rossiyskikh yuristov kontsa XIX –XX vv. [Judicial Power in the Interpretation of Russian Lawyers of the Late 19th – 20th Centuries]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. – № 6. – 2016. – S.32–34. (In Russ.)
 - 2.Ivanov Y. «YA lyublyu sud prisyazhnykh i dorozhu im...» [«I love jury trial and value it...»]. *Rossiyskiy sud'ya*. – 1994. – №.1. – S.31–34. (In Russ.)
 - 3.Ilyukhin A.V. A.F. Koni o sude prisyazhnykh [A.F. Koni on jury trial]. *Rossiyskiy sud'ya*. – 2001. – №.8. – S.40–46. (In Russ.)
 - 4.Koni A.F. O sude prisyazhnykh i o sude s soslovnymi predstaviteleyami [On trial by jury and trial with class representatives]. – SPb., 1895. (In Russ.)
 - 5.Koni A.F. Predel'nyy vozrast dlya sudey

[Age limit for judges]. *Sudebnyye rechi* = Judicial speeches. – SPb., 1905. – S. 885–902. (In Russ.)

6.Koni A.F. *Vlast' suda v primeneni naka-zaniya* [The power of the court in the application of punishment]. *Za posledniye gody*. – SPb., 1896. – P. 555–561. (In Russ.)

7.Koni A.F. *Sobraniye sochineniye. V vos'mi tomakh. T.8* [Collection essay. In eight volumes. T.8]. – M., 1968. (In Russ.)

8.Krakovsky K. P., Solomko 3. V. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii: v 9 t. / otv. red. V. V. Yershov, V. M. Syrykh. T. 5: Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo v period kontreform i v epokhu burzhuaznykh revolyutsiy (1881 – oktyabr' 1917 goda)* [History of court and justice in Russia: in 9 volumes / otv. ed. V. V. Ershov, V.M. Syrykh. T. 5: Judiciary and legal proceedings in the period of counter-reforms and in the era of bourgeois revolutions (1881 – October 1917)]. – M.: Norma, 2020. (In Russ.)

9.Malkov B.N., Shcheglov A.F. *Nravstvennyye uroki sudebnoy reformy* [Moral lessons of judicial reform]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy Akademii*. – 2015. – №2. – S.21–25. (In Russ.)

10.Nemytina M.V. *Sud v Rossii: 2-ya polovina XIX - nachalo XX veka* [Court in Russia: 2nd half of the 19th – early 20th centuries]. Saratov, 1999. (In Russ.)

11.Ponikhidin Yu.M., Ignatenkova I.A. *Osnovnyye polozheniya diskussii, razvernulsya pri popytke peresmotra sudebnykh ustavov v oblasti sudoustroystva komissiyey N.V. Murav'yeva* [The main provisions of the discussion that unfolded during an attempt to revise the judicial charters in the field of judiciary by the commission of N.V. Muravyova]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*. – 2006. – №. 5 (51). – S. 206–212. (In Russ.)

12.Sorokin A. A. *Deyatel'nost' Komissii N. V. Murav'yeva po reforme mestnogo suda i liberal'naya obshchestvennost' v kontse XIX v.* [The activities of the N. V. Muravyov Commission on the reform of the local court and the liberal community at the end of the 19th century]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. – 2014. – №. 4 (17). – S.208-217. (In Russ.)

13.Sorokin A.A. *Itogi raboty komissii N.V. Murav'yeva po reformirovaniyu mestnogo suda v otsenkakh obshchestvennosti* [The results of the work of the commission N.V. Muravyov on reforming the local court in public assessments]. *Narod i vlast': vzaimodeystviye v istorii i sovremennost'*. – Nizhny Novgorod, 2017. – S.385–395. (In Russ.)

14.Shchedrina Yu.V. *Reformirovaniye mekhanizma formirovaniya sudeyskogo korpusa v Rossii v kontse v kontse 1890-kh - nachale 1900-kh godov: proyekty komissii N.V. Murav'yeva* [Reforming the mechanism for the formation of the judiciary in Russia in the late 1890s - early 1900s: projects of the commission N.V. Muravyova]. *Istorko-pravovyye problemy: novyy rakurs*. – 2014. – №9-2. – S.115-131. (In Russ.)